

Сергей Владимирович Ряполов

соискатель кафедры культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала Ивановского государственного университета

«ЕГО ИМЯ БЫЛО СИНОНИМОМ ФИЛОСОФА»: ЛИЧНОСТЬ, ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФИЯ ОТЦА ФЕОФАНА (АВСЕНЕВА)

Аннотация. В статье рассматривается биография и основные положения философской системы русского религиозного мыслителя, философа, архимандрита Русской православной церкви отца Феофана (Авсенева), оказавшего существенное влияние не только на становление киевской философско-богословской школы, но и на формирование самобытной русской философской мысли. Основываясь на философии платонизма, православном богословии, романтизме и мистическом шеллингизме, мыслитель выстроил оригинальную философскую систему, в рамках которой были поставлены многие вопросы, созвучные проблемному полю русской религиозной философии второй половины XIX — первой половины XX вв. Стояв у истоков русского религиозно-философского Ренессанса, отец Феофан (Авсенева) оказал значительное влияние на своих учеников, слушавших его лекции по философии в Киевской духовной академии и в Киевском университете св. Владимира, портреты многих из которых украшают собой галерею русской мысли XIX века.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, университетская философия, русский платонизм, русское шеллингизм, русская нравственная сотериология, нравственная философия, бытие, архимандрит Феофан (Авсенева)

При рассмотрении истории русской философской культуры, при попытке выстраивания ее «большого контекста» неизбежно возникает проблема существования огромных лакун или «белых пятен», к числу которых, безусловно, нужно отнести философскую систему оригинального русского мыслителя, богослова П.С. Авсенева (в монашестве отца Феофана), являющегося, по мнению автора работы «Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы» Н.А. Куценко, «пожалуй, самым оригинальным из представителей Киевской богословско-философской школы», и чье «рукописное наследие требует полного изучения» [11, с. 85]. «Сама личность Авсенева привлекает к себе внимание. Его репутация как философа ставилась высоко: “Его имя, — сообщает автор некролога, посвященного Авсеневу, — долгое время во всех учебных округах духовного ведомства, после имени Ф.А. Голубинского, было синонимом философа”» [18, с. 195], — писал в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпет. Но, к сожалению, сейчас жизнь и философская система П.С. Авсенева остаются непростительно малоизученными.

После обучения в Воронежском духовном училище и Воронежской духовной семинарии, в которых «в то время еще довольно живо и сильно было впечатление, произведенное там известным шеллингистом» [3, с. VIII], профессором философии И.Я. Зацепиным, он поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1833 году со степенью магистра богословия, и был сперва назначен бакалавром по классу немецкого языка, а позже бакалавром философских наук, в 1839 году экстраординарным, а с 1845 года ординарным профессором.

Помимо службы в Киевской духовной академии П.С. Авсенева преподавал философию в Киевском университете св. Владимира, где с 1838 года состоял адъюнктом по кафедре философии. На страницах «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834 — 1884)» можно обнаружить такую характеристику: «П.С. Авсенева был одним из ученейших людей России. Он отлично знал языки еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский и итальянский; науки богословские, философские, исторические и естественные составляли любимый круг его занятий. В университете П.С. Авсенева читал логику, историю души, историю новейшей философии, нравственную философию в соединении с естественным правом и философию истории» [8, с. 9]. Г.В. Флоровский в работе «Пути русского богословия» отмечал: «В Киевской академии сложилась своя традиция <...> В ряду киевских философов всего ярче образ П.С. Авсенева, затем архимандрита Феофана (1810—1852), принявшего пострижение уже в профессорском звании, по внутренней склонности и влечению. В Академии он преподавал психологию, преимущественно по Шуберту, и вообще был очень близок к мистическому шеллингианству и к Баадеру, совмещая этот романтико-теософический мистицизм с отеческой аскетикой (особенно любил Макария и Исаака Сирина), также и с Плотинем и с Платоном. Читал он смело и вдохновенно, много говорил о “ночной жизни” души, о загадочных и магических душевных явлениях, о сне и лунатизме, о болезнях души, “о бесновании, магии и волшебстве” — влияние на студентов имел он неотразимое и в Университете» [17, с. 280].

11 октября 1844 г. (по ст. ст.) в жизни П.С. Авсенева случилось очень важное событие: митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфитеатовым) он был пострижен в монахи с именем Феофан. Из воспоминаний отца Антонина (Капустина) известно, что вся жизнь отца Феофана (Авсенева) словно бы была приготовлением к монашеству. Он писал: «Решиться на это ему не стоило большого труда, потому что образ жизни его давно уже был истинно монашеский. Постриженный с именем Феофана (11 октября 1844 года), он понял и принял монашество самым строгим образом, точно так, как оно давно представлялось ему в идее, и как изображено в поразительном священнодействии пострижения» [8, с. 8]. На верность этих воспоминаний указывает и та характеристика, которую можно обнаружить на страницах «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834—1884)»: «Это была симпатичная личность: скромный, ко всему доброжелательный, непрестанно трудившийся над саморазвитием, в собеседовании об ученых предметах всегда ровный и спокойный, — в душе глубоко религиозный и, по

складу своего характера, более склонный к монашеской жизни и кабинетной деятельности, чем к жизни светской и семейной» [8, с. 516–517].

В 1846 году отец Феофан (Авсенеv) был возведен в сан архимандрита. В 1844 году уволен от службы в университете, а в марте 1850 года по болезни и от академической службы. В конце жизни отец Феофан (Авсенеv) был определен настоятелем посольской церкви в Риме, где умер 31 марта 1852 года (по ст. ст.).

Исторически первой литературой, из которой можно составить мнение о жизни и личности отца Феофана (Авсенева), могут быть названы некролог, написанный отцом Антонином (Капустиным) и опубликованный в Журнале министерства народного просвещения в 1853 году, работа «История Киевской духовной академии, по преобразовании ее, в 1819 году» В.И. Аскоченского, «Исторические записки о Киевской духовной академии за 50-летний период с 1819 по 1869 гг.» И.И. Малышевского, биографическая заметка к работе отца Феофана (Авсенева) «Из записок по психологии», опубликованной в Киеве в 1869 году, статья «Воспитанники Киевской духовной академии (1819–1869 г.), поступившие из Воронежской духовной семинарии» в «Воронежских епархиальных ведомостях» №22 за 1869 год, «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884), составленный и изданный под редакцией ордин. профессора В.С. Иконникова», опубликованный в 1884 г. в Киеве. Влияние мыслителя на киевскую философско-богословскую школу отмечалось и в работе «Философские очерки» А.И. Введенского, писавшего, что отцу Феофану (Авсенеvу) «студенты Киевской академии после Скворцова больше всех были обязаны своим философским развитием» [5, с. 21]. С сожалением о потере «глубокого мыслителя — философа и богослова Авсенева» [6, с. 7] вспоминали об отце Феофане (Авсенеvе) и в университете.

Остается только сожалеть, что при жизни философ опубликовал очень мало своих сочинений, и все основные тексты были изданы уже после смерти мыслителя на основании рукописи, которую отец Феофан (Авсенеv) передал И.М. Скворцову, в составе «Сборника из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии, <...> изданного академией по случаю пятидесятилетнего юбилея ее» в Киеве в 1869 году, и, вероятно, были подвергнуты редакторской правке. Исключение составляют несколько статей, опубликованных в журнале Киевской духовной академии «Воскресное чтение», и статья «Наблюдения над умирающими» в издававшемся М.П. Погодиным журнале «Москвитянин», №20 за 1852 год. А о некоторых важных составляющих его философских воззрений можно узнать только из воспоминаний бывших учеников отца Феофана (Авсенева). Так, прямую отсылку к его философии можно обнаружить в письмах святителя Феофана Затворника, слушавшего лекции отца Феофана (Авсенева) и, вероятно, испытавшего его сильное влияние.

Тем не менее на основании сохранившихся текстов можно составить мнение, что в основе философской системы отца Феофана (Авсенева) было положение вопрошание человека о самом себе, который, как отмечал мыслитель, «встречаясь внутри себя с собою, он спрашивает самого себя: *что я есмь?*» [1, с. 19].

При этом философская антропология приобретает у философа глубокое нравственное измерение, сближая мыслителя с линией русской нравственной сотериологии, пожалуй, наиболее значимым и оригинальным направлением русской этической мысли. Так, смертность человека рассматривается философом как проявление наивысшего морального зла в мире, как симптом болезни бытия и отклонения человека от изначального замысла о нем. «Смерть есть величайшее из всех бедствий, какие только постигают несчастный род человеческий; она совмещает в себе все те болезни, потери и унижения, какие в течение жизни поражают душу и тело порознь» [1, с. 291], — писал отец Феофан (Авсенеv). Как отмечала С.Г. Семенова, «русская душа особым образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; ее глубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*, в которой очень важен подсознательный отказ признать *нормальность* этого факта» [13, с. 265]. Поэтому неслучайно у отца Феофана (Авсенева) важную роль в его философии смерти играют раз-

мышления о ненормальности смертности человека: «Как ни естественна человеку смерть, при настоящем устройстве природы; однако он может с достоверностью гадать, что она есть некоторое чуждое истинному существу вещей, пришлое зло, — что человек и должен быть и был некогда бессмертен, не только по душе, но и по телу <...> По крайней мере, человек, как существо, по самому понятию своему, соединенное с Богом, как причастник жизни Божией, должен быть изъят из закона смерти» [15, с. 221–222]. Этот «нравственный вызов» чаяния человеческого бессмертия, избавления человека от уз смерти позволяет рассматривать философию отца Феофана (Авсенева) как важнейший источник русской нравственной сотериологии, получившей наиболее яркое изложение уже во второй половине XIX века в «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, особенную этическую глубину которой отмечает В.В. Варава, пишущий, что «это проблематизация темы смерти до уровня невозможности рассматривать ее как исключительно онтологическую проблему, поскольку к ценностно нейтральному бытию добавляется этически нагруженный эпитет “больное”, то есть несовершенное, несправедливое и т. д.» [4, с. 103]. Об этом неприятии смерти как наивысшего зла писала С.Г. Семенова: «В христианском представлении человек через грехопадение ниспадает в природный порядок бытия, где как закон существования царит пожираение, половой раскол, вытеснение и смерть. В ценностном плане для христианского сознания этот порядок бытия не есть Божий, он избран человеком свободно в противлении Его воле, а “имущий державу Смерти” со всем ее мрачным кортежом похоти, лжи и убийства, как известно, носит имя главного антагониста Бога. Райское состояние становится потерянным идеалом бессмертной, блаженной, божественной жизни <...> Восстановление такого состояния христианская душа чаует обрести и в будущем, в Царствии Небесном» [13, с. 6]. Смерть понимается как симптом болезни бытия, и потому столь сильно трагическое мироощущение в философии отца Феофана (Авсенева): «Та печаль об утрате какого-то блаженства проходит по всему царству бытия <...> Уныло воют ветры, рокочут воды морей; растения, всю жизнь свою, выражают жажду жизни и света и в этой жажде истощаются, умирают; животные оглашают воздух то жалобными песнями, то криками ярости; народы передают друг другу повесть о золотом веке, о каком-то преступлении, о вторжении зла, и наконец Священное Бытописание ясно говорит, что человек был блажен и бессмертен, но потерял и то и другое преступлением заповеди Божией» [1, с. 295]. И потому, выражаясь словами В.С. Соловьева, «весь наш мир нераздельно <...> требует спасения» [14, с. 67].

Русская философская мысль неустанно пытается постичь в смерть, всматривается в нее, приближаясь столь близко, что как писал Л.В. Карасев, «дотронулась до нее рукой, обняла ее и ужаснулась от этой завораживающей близости» [10, с. 101]. Возможно, именно в этом и нужно искать истоки истинного своеобразия и оригинальности русской философской культуры. О будущем русской философии отец Феофан (Авсенев) пророчески писал: «Отвлеченные диалектические умозрения, подобные немецким, едва ли примутся на почве нашего духа. <...> Но, с другой стороны, у нас едва ли разовьется и чисто эмпирическая философия, подобная английской. Можно гадать, что философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный, ибо религия глубоко укоренилась в нашем духе и вошла в самое существо его» [1, с. 196].

При этом относительно своеобразия русской культуры отец Феофан (Авсенев) писал: «Характер русский есть характер универсальный. <...> С этой универсальностью русского характера согласны многие высокие черты, замечаемые в нем. В числе этих черт заслуживают особенного внимания: необыкновенная терпеливость русского народа, всеобщая уживчивость, великодушие, благодушие, прямота и открытость характера, отсутствие в нем страстной раздражительности, порывистости и пр. <...> Это ровное, спокойное настроение духа отражается, между прочим, и в тоне его народной песни, сменяясь, впрочем, на время шумным и стремительно-быстрым песенным разгулом» [1, с. 194–195]. Похожие мысли уже в XX веке можно обнаружить у И.А. Ильина, отмечавшего: «О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники — и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута

певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние *сердечного чувства* во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая из *переполненного чувства*. <...> Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение» [9, с. 111]. Согласно отцу Феофану (Авсенева), в своеобразии русской культуры словно бы получили отражение бескрайность и обширность русской равнины, а *слиянию племен* «благоприятствует ее ровное местоположение» [1, с. 194]. В «Русской идее» на это указывал и Н.А. Бердяев: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» [2, с. 10]. По И.А. Ильину, «созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. <...> Но сердце и созерцание дышат *свободно*. <...> Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестике, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности» [9, с. 112–113].

Таким образом, нужно отметить, что уже в первой половине XIX века в философии отца Феофана (Авсенева) оформились те вопросы, в поиске ответов на которые во многом сложилась оригинальная русская философская культура второй половины XIX — первой половины XX вв. Так, например, В.В. Зеньковский писал: «Авсенева защищал положение, что душа человека “может сообщаться с внешним миром непосредственно”, то есть и помимо органов чувств. Это уже <...> скорее предварение учения об интуиции, как оно развилось в конце XIX века. Наша душа — учил Авсенева — принадлежит безмерному океану духовного бытия, со всех сторон охватывающему отдельную душу» [7].

Огромное влияние на отца Феофана (Авсенева) оказали не только философия платонизма и святоотеческое богословие, но и романтизм, а также мистическое шеллингианство. Как отмечал в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпет: «Авсенева тянуло к себе “сверхъестественное” в его ближайшем соприкосновении с жизнью человека во всех исключительных проявлениях нашей психики, как сомнамбулизм, ясновидение, лунатизм и всякого рода обнаружения “бессознательной” сферы души, — того, что Шуберт удачно называл ее *ночную сторону*, *Nachtseite*. Психологи Шеллинговой школы, как Карус, Бурдах, Шуберт, и в особенности последний, обнаруживали живой и повышенный интерес к этим сумеречным состояниям души с их экстравагантными и фантастическими проявлениями. Естественно, что Авсенева нашел для себя в Шуберте излюбленного руководителя» [18, с. 195–196].

По мысли философа, существуют четыре иерархически выстроенные степени бытия: «1) бытие только что *пребывающее, вещественное и мертвое*; 2) бытие *вещественное, пребывающее и живущее*; 3) бытие *вещественное, пребывающее, живущее и одушевленное*; 4) бытие *пребывающее, живущее, одушевленное и вместе разумное*» [1, с. 54]. Человек как четвертая степень бытия имеет тот же *вещественный состав*, что и *неорганическое царство, растительные отправления* у него общие с *растительным царством, земные склонности и способности души с животным царством*, а дух, сутью которого является «непосредственное стремление к Богу» [1, с. 65], является сущностью человека, и потому, как писал философ, «разум стремится познавать Бога, сердце ищет исполняться ощущением Его в себе, воля хочет более и более достигать Его» [1, с. 65]. Но поскольку «Бог необъятен, неосязаем и недостижим в существе своем» [1, с. 65], то совершенство Его открывается человеку через мир как *истина*, составляющая познание из мира сущности Бога, *красота*, как отражение в мире совершенств Его, *добро*, являющееся осуществлением Его целей в мире. При этом, «дух в существе своем заключает способность познавать истину, услаждаться красотой, де-

лать добро; но он не есть самосушая истина, самосушая красота и самосушее добро» [1, с. 65], и потому в ответ влечению духа к Богу нужно Его некоторое снисхождение, чтобы «он мог не только искать Бога, но и находить Его» [1, с. 65].

Как отмечает автор «Очерков по истории раннего платонизма в России» Е.И. Мирошниченко, имплицитно платонизм содержится во многих высказываниях отца Феофана (Авсенева) [12, с. 91]. Именно философия платонизма может быть отмечена как важнейшее основание философии отца Феофана (Авсенева). Так, в его сочинениях присутствуют как прямые ссылки на Платона, так и вполне явные отсылки к нему. Например, примечателен образ разума, укрощающего как царь и возница «мятежные порывы бурного пламени» [1 с. 303], использованный отцом Феофаном (Авсеневым) на страницах своего сочинения. Тем не менее, в его философском осмыслении платонизма «мы встречаемся не просто с восприятием некоторых идей Платона, но уже с восприятием дискурсивным, нацеленным на диалог <...> Некоторые идеи начинают вписываться в контекст самостоятельных построений» [12, с. 93].

Таким образом, можно обозначить, по крайней мере, три основных источника философии отца Феофана (Авсенева): философия платонизма, святоотеческое богословие и романтизм и мистическое шеллингианство. Тем не менее философская система отца Феофана (Авсенева) вполне самобытна и может быть рассмотрена как важнейшее основание оригинальной русской философии. Так, его размышления о трех путях познания души человека: *наблюдении*, которое философ разделял на *внутреннее* и *внешнее*, *умозрении* и *Откровении*, созвучны мыслям его современника В.Н. Карпова, о котором В.В. Зеньковский писал: «Как в человеке есть три пути вхождения в мир (внешние ощущения, связывающие нас с чувственной реальностью, “идеи”, связывающие с метафизической — “мыслимой”, по терминологии Карпова, — сферой бытия, и духовное созерцание, связывающее с Божеством), так и сам мир должен быть различен в трех “ярусах” — чувственного, метафизического и Абсолютного бытия. Лишь при гармоническом сближении трех начал в душе человека “всё сложится в одну беспредельную косморуку, сольется в один аккорд, в одну священную песнь Всевышнему”. В этом плане “философского синтетизма”, как выражался Карпов, самый мир (чувственный и “мыслимый”, то есть метафизический) должен предстать в единстве чувственной и идеальной своей стороны, как единое целое: должен быть найден “закон гармонического бытия вселенной”» [7]. Позже эта мысль о получении цельного знания путем взаимосвязи эмпирического, рационального и мистического путей познания разовьется в философии В.С. Соловьева.

Оказав значительное влияние на своих учеников, в числе которых были святитель Феофан Затворник, отец Антонин (Капустин), П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий и др. ярчайшие мыслители своего времени, отец Феофан (Авсенева) на страницах своих сочинений изложил множество оригинальных мыслей, выстроил самобытную философскую систему, многие положения которой могут показаться заслуживающими внимания и в рамках современной философии. Например, особенную роль в его философском учении о человеке играют размышления о влиянии на душевную человека *мировой жизни, жизни солнечной системы, планетной жизни*. Уже в XX веке учение о влиянии циклов солнечной активности на явления в биосфере и на социально-исторические процессы сформулировал А.Л. Чижевский. Особенного рассмотрения заслуживает философия отца Феофана (Авсенева), основания которой можно обнаружить уже у Платона в его мысли об Эроте как о желании человека обрести изначальную целостность. Тем не менее в современной литературе по истории русской философской мысли имя отца Феофана (Авсенева) практически не упоминается. Безусловно, устранение этого «белого пятна» с карты истории русской философии является актуальной проблемой, с решением которой связано обнаружение и раскрытие по-настоящему оригинальных и самобытных философских систем, составляющих истинное своеобразие русской философской мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авсенеv П.С.* Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Мирозозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016. 512 с.
3. Биографическая заметка / архим. Феофан (Авсенеv) // Из записок по психологии. Киев: Типогр. Киевского губернского управления, 1869. С. I-XVI.
4. *Варава В.В.* Вызов Федорова: нравственные коллизии русского космизма // Булгаковские чтения. 2014. № 8. С. 97-105.
5. *Введенский А.И.* Философские очерки. СПб.: Типография "В.С. Балашев и Ко", 1901. VIII + 212 с.
6. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Пятидесятилетие Императорского университета св. Владимира. 1834–1884. Речь, произнесенная на юбилейном акте университета ордин. проф. М.Ф. Владимирским-Будановым. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1884. 59 с.
7. *Зеньковский В.В.* История русской философии.
www.odinblago.ru/filosofiya/zenkovskiy/istoriya_russkoy_filosofii (дата доступа: 15.01.2020).
8. *Иконников В.С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884), составлен и издан под редакцией ордин. проф. В.С. Иконникова. Киев: Типогр. Императорск. ун-та св. Владимира, 1884. XXXVI + 816 + II с.
9. *Ильин И.А.* О русской идее // О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 109-122.
10. *Карасев Л.В.* Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 92-104.
11. *Куценко Н.А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы. М.: ИФ РАН, 2005. 138 с.
12. *Мирошниченко Е.И.* Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб.: Алетейя, 2013. 172 с.
13. *Семенова С.Г.* Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
14. *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1988. 894 с.
15. *Феофан (Авсенеv; архим.).* Из записок по психологии. Киев: Типография Киевского губернского управления, 1869. XVI + 246 с.
16. *Феофан (Говоров; еп.).* Собрание писем. Вып. 2. М.: Типо-литогр. И. Ефимова, 1898. 240 с.
17. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 272–378.
18. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. 602 с.